

Накануне

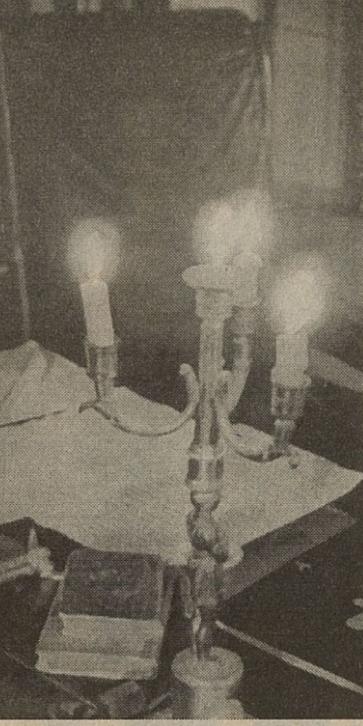
25 - 26 января 1837 года

Смена - с. пб. - 2001 - 9 июня - с. 10

126

27 января 1837 года прозвучал выстрел, оборвавший жизнь Пушкина. Как ни парадоксально, до сих пор пушкинисты не восстановили в точности не только поминутную хронологию событий, предшествующих роковому выстрелу, но даже не выявили последовательности их. Однако именно в преддуэльных днях - ключ к пониманию тех событий, которые в конечном итоге привели поэта к гибели.

Во многом невниманье пушкинистов к последним дням Пушкина объясняется тем, что исследователи находились под гипнозом легенды, созданной П.А. Вяземским сразу же после трагических событий. Согласно этой легенде, ставшей со временем канонической, Пушкин жаждал "кровавого исхода", поэтому написал "пером, смоченным в желчи" письмо Геккерну с тем, чтобы добиться развязки. Поэт не мог вынести того, что светская клевета связывала имя его жены с Дантесом, и решил покончить с этими слухами кровавым поединком.

Внимательно присматриваясь к версии Вяземского (в наиболее полном варианте она изложена в письме к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года), нетрудно заметить, что по этому описанию совершенно невозможно восстановить точную хронологию событий. Согласно Вяземскому, 25 января Пушкин послал письмо Геккерну. Д'Аршиак принес ему ответ. Пушкин его даже не читал, но принял вызов, сделанный от имени Дантеса. "День 26 и утро 27 января прошли в переговорах между д'Аршиаком и Пушкиным о секунданте, которого должен был представить последний". Пушкин отказывался взять секунданта, так как не хотел никого компрометировать и не желал подвергать никого из соотечественников неприязностям. Противная сторона на этом пункте настаивала. Утром 27 января Пушкин на улице встретил К.К. Данзаса, посадил его в сани и повез во французское посольство к д'Аршиаку, чтобы взять его в свидетели своего объяснения с ним. Через два часа противники уже находились на месте поединка. Условия были выработаны.

Читая эти строки, не следует удивляться. П.А. Вяземский сознательно стремился затемнить точную хронологию преддуэльных событий. Когда пытаешься восстановить, как это было на самом деле, картина получается такая, что не только не укладывается в версию Вяземского, но совершенно подрывает ее с фактической стороны.

Пушкин написал свое знаменитое письмо Геккерну,

в котором он пригрозил нидерландскому дипломату публичным скандалом, если тот не прекратит свои проiski, 26 января - после вечера, проведенного у Вяземских. Вяземский всячески скрывал это важное обстоятельство и старался убедить читателя в том, что роковое письмо, спровоцировавшее дуэль, Пушкин написал на день раньше, 25 января, и отослал его еще до того, как отправился на вечер к Вяземским ("Смена", 21 ноября 1997 года).

Наиболее обстоятельное исследование предыстории дуэли Пушкина с Дантесом принадлежит С.Л. Абрамович. Однако менее всего внимания она уделяет преддуэльным дням.

С.Л. Абрамович утверждает, что никаких сведений о том, как Пушкин провел утро 25 января, у нас нет. На самом деле это известно. В то утро поэт встречался с А.И. Тургеневым и рассматривал его парижские бумаги для публикации в "Современнике". Об этом упомянул сам Тургенев в письме к А.И. Нефедьевой от 28 января. Тургенев сообщил о том, что видел Пушкина накануне дуэли у графини Разумовской, "накануне же, то есть третьего дня, провел с ним часть утра, 3-го и 4-го (значит, 26 и 25 января. - Авт.), мы читали бумаги, кои готовил он для 5-й книги своего журнала".

Относительно того, как Пушкин провел день 25 января, С.Л. Абрамович тоже ничего не известно. Она упомянула о том, что в этот день Пушкин должен был встретиться со своей псковской знакомой Е.Н. Вревской и пойти с ней в Эрмитаж. Исследовательница даже описала маршрут, которым должен был проследовать Пушкин от Мойки до 8-й линии Васильевского острова, где жила Вревская. С.Л. Абрамович полагала, что по дороге поэт зашел на почту и сдал письмо Геккерну. Вечер же этого дня Пушкин вместе с женой и свояченицей Александриной провел у Вяземских, где также были Дантес и его жена Е. Геккерн.

Мы не знаем, были ли Пушкин и Вревская 25 января в Эрмитаже, но вечеру у Вяземских предшествовало посещение театра.

Дело в том, что Вревская много лет спустя рассказывала редактору "Русской старины" М.И. Семевскому о том, что "за несколько дней" до поединка Пушкин встретился с ней в театре и сообщил, что намерен драться. О том, что Пушкин был в театре, прежде чем отправить письмо Геккерну, знала и А.И. Васильчикова, тетка В.А. Соллогуба, приятельница матери поэта. Издатель "Русского архива" П.И. Бартенев записал с ее слов: "Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщить мужу и только бесила его. Раз они возвращались из театра. Старик Геккерн, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился; на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерну свое резкое и дерзкое письмо". В этом пассаже самое главное указание - на посещение Пушкиным театра. Наконец, о театре упоминает и И.С. Тургенев. Он видел Пушкина в зале дворянского собрания в доме госпожи Энгельгардт на театральном представлении за несколько дней до дуэли. Теперь мы можем сказать точно, что это было за театральное представление и когда именно оно имело место.

"Санкт-Петербургские ведомости" сообщили: "25 января в зале дворянского собрания в доме г-жи Энгельгардт состоится концерт флейтиста Габриэльского, музыканта его величества короля прусского". Это был вечерний концерт, но И.С. Тургенев упомянул об утреннем представлении. Надо думать, Тургенев немного ошибся.

М. Добужинский, "Евгений Онегин".

Итак, 25 января Пушкин был в театре, а остаток вечера провел у Вяземских. А на следующий день, 26 января, он отправил вызывающее письмо Геккерну. В этом письме поэт потребовал прекратить всякие отношения между семьями и угрожал дипломату публичным скандалом, если это требование не будет осуществлено.

То, что письмо было адресовано Геккерну, а не обидчику Дантесу, требует особого комментария. П.А. Вяземский это никак не объяснил. Тщетно пыталась преодолеть это затруднение и С.Л. Абрамович. По ее словам, Пушкин поступил так потому, что не желал никаких отсрочек. Если бы письмо было адресовано Дантесу, то можно было бы добиваться отсрочки под предлогом родственных отношений. Но Пушкин жаждал развязки, он добивался вызова, хотел разоблачить легенду о благородстве и самопожертвовании Дантеса,

желал, чтобы общество знало правду о Геккернах. Согласимся, что такое объяснение сильно "хромот". Если все было именно так, почему же тогда Пушкин не вызвал на дуэль своего обидчика, а сам стал дожидаться вызова? А что, если бы в ответ на это письмо Геккерн, а не Дантес (что было бы вполне естественно) вызвал Пушкина на дуэль и главный оскорбитель опять вышел бы сухим из воды? С.Л. Абрамович исходила из того, что письмо Пушкина было сдано на городскую почту утром или во второй половине дня 25 января, а на следующее утро, 26 января, было доставлено Геккерну. Однако у нас нет никаких свидетельств, что Пушкин отправил свое письмо по почте. (Да и если бы Пушкин сдал его на почту 25-го утром, то Геккерн получил бы его в тот же вечер 25 января.) Далее весь расчет времени дня 26 января С.Л. Абрамович производит исходя из того, что вечернюю почту разносили в 8 - 9 часов утра. Однако исследовательница полностью проигнорировала тот факт, что Геккерн получил письмо Пушкина, "собираясь на обед к графу Строганову". Поскольку же обедали между 5 и 6 часами, это и есть время получения письма в нидерландском посольстве. Отметим, что С.Л. Абрамович знала о том, что обедали в то время в 5 - 6 часов. Она, например, писала о том, что Пушкин обедал в это время у Вревских. Стало быть, упоминание о том, что Геккерн получили письмо перед обедом, было намеренно опущено исследовательницей. Это сознательное умолчание рисует нам приемы, с помощью которых С.Л. Абрамович воссоздавала историю гибели поэта.

То, что Геккерн получил письмо перед обедом, очень важно, ибо из этого факта вытекает: никакая встреча с секундантом Дантеса д'Аршиаком в первой половине дня 26 января не было и быть не могло.

С.Л. Абрамович дело представлялось следующим образом. 26 января утром Пушкин был у А.И. Тургенева. Затем ушел и обещал вернуться еще раз, но потом прислал Тургеневу записку: "Не могу отлучиться. Жду вас до 5 часов". (На этой записке есть пометка Тургенева: "Последняя записка ко мне Пушкина накануне Дуэля".) Тургенев сидел дома до 5 часов. Нельзя не признать, поведение Пушкина было крайне нелогично, если расчет времени произведен верно. Остается непонятным, почему Пушкин, если он действительно отослал свое письмо 25 января и знал, что его получат 26-го числа и оно должно вызвать цепную реакцию, собирался во второй раз уходить к Тургеневу? Ему следовало оставаться дома и дожидаться секунданта. Что касается записки Тургеневу, то, как мы увидим ниже, Пушкин написал ее не 26-го, а 27 января, в день дуэли.

Согласно С.Л. Абрамович, в нидерландском посольстве "в середине дня" после совещания со Строгановым Дантес встретился с д'Аршиаком и уполномочил его передать вызов Пушкину. Увы, это никак не могло иметь места в середине дня. Согласно свиде-

тельству Геккерна, после обеда у Строганова, то есть не ранее 5 - 6 часов, разыскали д'Аршиака и предложили ему передать вызов Пушкину. Однако вызов надо было еще составить, а д'Аршиака найти. Поэтому ранее вечера 26-го д'Аршиак не мог отправиться к Пушкину. А где в это время был Александр Сергеевич? Он отправился обедать к Вревской в 6-м часу. Кстати сказать, опять же очень нелогичное поведение того, кто хочет выйти к барьеру и ждет секунданта противника.

Сохранилась визитная карточка д'Аршиака. На ней аташе французского посольства спрашивает, сможет ли и в котором часу его принять Пушкин. "По всей вероятности, поэт ответил, что будет ждать до 5 часов, и тогда же отослал записку Тургеневу", - пишет Абрамович. Между тем очевидно: во второй половине дня, когда секундант Дантеса прислал визитную карточку, Пушкина дома не было. Далее С.Л. Абрамович сообщает: "Когда д'Аршиак явился с письмом, Пушкин, не читая, принял вызов. Условившись, что поединок будет завтра, Пушкин прислать своего секунданта. Но не торопился с выбором, не хотел вмешивать близких", чтобы дуэль не расстроилась.

Совершенно ясно, что в действительности дело обстояло иначе. Не получив ответа, д'Аршиак переслал Пушкину письмо, в котором Дантес требовал немедленной встречи с ним. Но Пушкин не получил и этого письма, так как дома отсутствовал. Не дожидаясь ответа и на это письмо, д'Аршиак прислал новое, в котором сообщил, что будет дожидаться секунданта до 11 часов.

В.Ф. Вяземская в неотправленном письме в Москву, написанном в начале февраля 1837 года, сообщила один важнейший факт. Пушкин перед тем, как пойти на бал к графине Разумовской, направился в нидерландское посольство. "Тщетно постучавшись в дверь всего семейства Геккернов, он решил им дать пощечину, будь то у них (то есть на дому) или на балу. Они были предупреждены и не поехали туда". (Кстати сказать, московский почт-директор А. Я. Булгаков сообщил А.О. Долгоруковой: "Пушкин написал Геккерну оскорбительное письмо и прибил: "Я надеюсь сегодня вечером на балу у гр. Разумовской дать вам блестящее доказательство моего презрения" и пообещал наплевать обоим в физиономию, если "они не явятся в условленное место на дуэль". Очевидно, эти сведения - искаженный отголосок того, что Пушкин собирался устроить скандал Геккернам в их доме или на балу. Такие же сведения, также в искаженном виде, дошли и до Н.И. Смирнова, мужа "черноокой Россети": "...на балу у Салтыкова он хотел сделать публичное оскорбление Дантесу, который был предупрежден и не приехал на бал...")

Весьма показательно, что весь этот важный эпизод был полностью проигнорирован С.Л. Абрамович, а между тем именно он объясняет нам ту решимость, с которой Геккерны с этого времени стали настаивать на поединке.

Михаил САФОНОВ
(Продолжение следует)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ

9.06.2001

Пушкин А.С.